

ШТЕМПЕЛЬ для МЁРТВЫХ

ЩЕРБАКОВ С. С.

Щербаков Сергей

Штемпель для мёртвых

«Автор»

2026

Сергей Щ. С.

Штемпель для мёртвых / Щ. С. Сергей — «Автор», 2026

В Бродфене закрывают старый почтамт. Среди невручённых писем находят конверты, адресованные людям, умершим много лет назад. Вскоре гибнет ревизор, заметивший повторяющиеся номера денежных переводов, а затем — сортировщик, знавший секрет переносного штемпеля. Эдмунду Роуэну и инспектору Томасу Грею предстоит понять, почему свидетели ошиблись дверью, кому выгодно оживлять старое наследственное дело и что скрывает безупречная касса. Классический закрытый детектив о цене молчания и бумаге, которая помнит больше людей.

© Сергей Щ. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	8
Письмо, которое опоздало на двадцать лет	9
Три причины приехать	10
Здание с двумя лестницами	11
Кассовое окно	12
Лист без подписи	13
Дом у канала	14
Коллекционер	15
Номер семь	16
Разговор, который не состоялся	17
Обед на верхнем этаже	18
Полчаса до обхода	19
Комната, которую открыли не первой	20
Время, записанное чужой рукой	21
Невручённая почта	22
Сорванный лист	23
Два часа у адвоката	24
Человек у двери	25
Руперт и его долги	26
Старая жалоба	27
Утрата, которой не было	28
Бумага для двух писем	29
День без дождя	30
Нижняя площадка	31
Чужая рука в своей книге	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Щербаков Сергей

Штемпель для мёртвых

Штемпель для мёртвых

Детективный роман

Щербаков С. С.

© Щербаков С. С., 2026

Все персонажи и события вымышлены.

Возрастная категория: 16+.

Оглавление

Часть первая

Глава 1. Письмо, которое опоздало на двадцать лет

Глава 2. Три причины приехать

Глава 3. Здание с двумя лестницами

Глава 4. Кассовое окно

Глава 5. Лист без подписи

Глава 6. Дом у канала

Глава 7. Коллекционер

Глава 8. Номер семь

Глава 9. Разговор, который не состоялся

Глава 10. Обед на верхнем этаже

Глава 11. Полчаса до обхода

Глава 12. Комната, которую открыли не первой

Глава 13. Время, записанное чужой рукой

Глава 14. Невручённая почта

Глава 15. Сорванный лист

Глава 16. Два часа у адвоката

Глава 17. Человек у двери

Глава 18. Руперт и его долги

Глава 19. Старая жалоба

Глава 20. Утрата, которой не было

Глава 21. Бумага для двух писем

Глава 22. День без дождя

Глава 23. Нижняя площадка

Глава 24. Чужая рука в своей книге

Глава 25. Надпись на мешке

Часть вторая

Глава 26. Возвращённая дата

Глава 27. Шкаф с новым замком

Глава 28. Женщина, которая помнила

Глава 29. Девять минут на часах

Глава 30. Деревянная коробка

Глава 31. Письма одного дома

Глава 32. Тень под копиркой

- Глава 33. Старая фотография
- Глава 34. Цена признания
- Глава 35. Неправильный оттиск
- Глава 36. Имя на счёте
- Глава 37. Ключи без хозяина
- Глава 38. Посещение больницы
- Глава 39. Ряд, которого не должно было быть
- Глава 40. Незванный посетитель
- Глава 41. Альбом без марки
- Глава 42. Где стоял будильник
- Глава 43. Список приглашённых
- Глава 44. Ночь у кассы
- Глава 45. Голос за стеклом
- Глава 46. Больная линия
- Глава 47. Приглашение в Лондон
- Глава 48. Пятая строка
- Глава 49. Человек из расписания
- Глава 50. Дорога старого письма
- Глава 51. Иголка на ковре
- Глава 52. Седьмой ящик
- Глава 53. Решение комиссии
- Глава 54. Чужая машина
- Глава 55. Номер без суммы
- Глава 56. Два берега
- Глава 57. Бумажный снег
- Глава 58. Чужая пломба
- Глава 59. Возражение Нелл
- Глава 60. Листы под печатью
- Глава 61. Записка через щель
- Глава 62. Пустая касса
- Глава 63. Последняя поездка курьера
- Глава 64. Окно с видом на двор
- Глава 65. Короткая черта
- Глава 66. Пометка на плане
- Глава 67. Письмо без адреса
- Глава 68. Смена караула
- Глава 69. Вещь под подоконником
- Глава 70. Слова, которые слышала стена

Часть третья

- Глава 71. Утро Уолтера Дина
- Глава 72. След от зонта
- Глава 73. Закрытый магазин
- Глава 74. Шов портфеля
- Глава 75. Семейная арифметика
- Глава 76. Ночь в библиотеке
- Глава 77. Тень другого подозреваемого
- Глава 78. Две встречи вместо одной
- Глава 79. Показание у котла
- Глава 80. Красная нитка

- Глава 81. Предложение о молчании
- Глава 82. Ведомость, которую переписали
- Глава 83. Недостающее утро
- Глава 84. Утро у окна
- Глава 85. Комната за дверью
- Глава 86. Вопрос адвокату
- Глава 87. Встреча у моста
- Глава 88. Место для номера
- Глава 89. Чайная ложка
- Глава 90. Сказанное перед врачом
- Глава 91. Подпись отсутствующего
- Глава 92. Листок из кармана
- Глава 93. Журнал под кроватью
- Глава 94. Шкаф без книги
- Глава 95. Пыль на колесе
- Глава 96. За углём
- Глава 97. Старая типография
- Глава 98. Книга у воды
- Глава 99. Лист с другой стороны
- Глава 100. Место для признания
- Глава 101. Условия прямого вопроса
- Глава 102. Ночь без пакетов
- Часть четвёртая**
- Глава 103. Старый клей
- Глава 104. Переплёт
- Глава 105. Проверка листа
- Глава 106. Визит к миссис Дин
- Глава 107. Пустой час Бек
- Глава 108. Сравнение дверей
- Глава 109. Хрупкая защита
- Глава 110. Обратная сторона записки
- Глава 111. Последний обход
- Глава 112. День открытых дверей
- Глава 113. Разговор при открытой двери
- Глава 114. Вторая смерть
- Глава 115. То, что не скрыло окно
- Глава 116. Слова Мэриан
- Глава 117. Последний вопрос о Дине
- Глава 118. Что произошло с письмами
- Глава 119. По отдельным папкам
- Глава 120. Выбор Томаса и Элис
- Глава 121. Имя для новой комнаты
- Глава 122. Эпилог

Часть первая

Глава 1

Письмо, которое опоздало на двадцать лет

В Бродфене почтамт собирались закрыть в пятницу. Во вторник его стены ещё принадлежали Королевской почте, в среду — городскому совету, а в четверг, по словам начальника отделения, уже никому не принадлежали: каждый чиновник присылал новые распоряжения, но никто не являлся за тяжёлыми шкапами и тремя поколениями невручённых писем.

После полудня Нелл Прайс вынесла из нижнего хранилища холщовый мешок. На бирке стояло «1916», хотя завязали его свежей бечёвкой. Нелл остановилась у окна сортировочной. Дождь за стеклом был столь густым, что угольный двор по ту сторону улицы исчез.

— Откуда это? — спросил Уолтер Дин.

— Под третьим стеллажом. Там ещё два. Мистер Керр говорит, их следует описать до приезда ревизора.

Уолтер не любил слово «следует». За сорок лет службы он видел, как десятки таких слов превращались в обязанности, которые никто не оплачивал. Но мешок взял. В нём лежали конверты, потемневшие по краям от пыли. Некоторые были зашиты ниткой в пачки. Верхний адресовали миссис Агнес Фенвик, в дом у канала.

— Этой женщины не стало ещё до войны, — сказал он.

— Тогда почему ей пишут?

Уолтер повернул конверт. Штемпель обозначал вчерашнее число.

Нелл решила, что старик шутит, и забрала письмо. Оно пахло новой типографской краской. Сам конверт был плотным, белым, без единого пятна. Имя умершей женщины вывели старомодным почерком, слишком старательным для обычного письма. У Нелл похолодели руки.

— Может, ошиблись адресом?

— В доме у канала живёт её внучка. Ошибиться можно домом. Двадцатью годами ошибаются нарочно.

Он не объяснил, что имеет в виду. В дверях уже появился Саймон Керр, архивист, с журналом в кожаном переплёте. Ему было тридцать с небольшим, но говорил он с той осторожностью, которая иногда приходит только после долгого опыта лжи. Он посмотрел на белый конверт и быстро закрыл журнал.

— Это из мешка?

— Лежало сверху, — сказала Нелл.

— Не может быть. Я вчера сам...

Он замолчал. Уолтер поднял глаза. В этот миг за окном звякнул велосипедный звонок: курьер Джордж Хейл вернулся из вечернего объезда раньше, чем предполагалось.

— Запишите находку отдельно, — сказал Керр. — И никуда её не отправляйте.

— На каком основании? — спросил Уолтер.

— Адресат умер.

— Теперь вы заметили?

Керр ответил не сразу. Затем осторожно положил журнал на стол и указал на штемпель.

— Вот на каком основании. Вчера этот мешок ещё был опечатан.

Нелл не сказала ему, что бечёвка выглядела новой. Ей почему-то стало важнее узнать, кто имел ключ от нижнего хранилища.

Глава 2

Три причины приехать

Эдмунд Роуэн получил письмо за завтраком. В отличие от большинства писем, оно не содержало ни просьбы, ни угрозы. На одном листе аккуратно переписали обстоятельства дела двадцатилетней давности: показания двух свидетелей, место в зале суда, где сидел человек с повреждённой рукой, и фразу, которую судья произнёс до начала слушания. В газетах этой фразы не было. Она осталась лишь в рабочей записи судебного секретаря.

Роуэн ещё раз посмотрел на дату. Свежий штемпель Бродфена.

— От кого? — спросила Элис Грей, забирая чайник.

— Кто-то помнит дело, которое я предпочёл бы забыть.

— Это приглашение или предупреждение?

— Возможно, автор не решил.

Томас Грей завтракал стоя. В восемь ему следовало быть в участке; прежде он хотел отвезти Элис к вокзалу. Архитектурный комитет Бродфена просил её оценить старый почтамт, который город собирался превратить в библиотеку. Теперь, увидев конверт в руках Роуэна, Томас поставил чашку.

— Бродфен? Мне вчера звонили оттуда. Ревизор почтового округа обнаружил расхождение в выплатах. Начальник почтамта предпочёл бы назвать его технической ошибкой, но запросил помощь полиции.

— Едем все трое, — сказал Роуэн.

— Мы не знаем, что письмо связано с выплатами.

— Верно. Мы знаем, что оба дела хотят нашего присутствия в одном здании в один день. Этого достаточно для поездки, но недостаточно для вывода.

Элис поставила чайник на стол. Она не любила, когда мужчины обсуждали будущую поездку так, словно её работа была удобным поводом для их расследования.

— Я поеду независимо от вас. Обмеры займут два дня. Если архив слишком сырой, библиотеку там открывать нельзя.

— Я и не спорю, — сказал Томас.

Она посмотрела на него. Спора не было, но оставался конверт из Лондона, лежавший в его портфеле с субботы. Там предлагали перевод в столичное управление. Томас ещё не ответил; Элис ещё не спросила, что он ответит. Между ними стояла эта небольшая пауза, которую дочь Нора заметила быстрее обоих.

— Если мы поедem, кто будет кормить уток? — спросила она из дверей.

Элис притянула её к себе.

— Тётя Мейбл. А ты проверишь, не забывает ли она давать им хлеб.

— Уткам хлеб вреден, — сообщил Роуэн. — Но они редко жалуются.

Нора засмеялась. Роуэн сложил анонимное письмо, стараясь не касаться края со штемпелем. Он видел в нём две неровности, похожие на короткие чернильные царапины. В конвертах, прибывающих ежедневно, он никогда не искал характер штемпеля. В этот раз искал.

Глава 3

Здание с двумя лестницами

С площади старый почтамт выглядел крепче многих новых домов Бродфена. Красный кирпич потемнел от дождя, но каменные наличники сохранили ровный рисунок. На фасаде ещё читалось имя первого почтмейстера, вырезанное над аркой, хотя его преемники давно перестали обращать на надпись внимание. Элис вынула блокнот.

— Поздняя пристройка сзади. В ней отопление, — сказала она. — Если библиотека переедет сюда, придётся отделить архив от читального зала.

— Там уже пытались что-то отделять, — заметил Роуэн.

Через узкое окно между корпусами он видел лестницу, упирающуюся в кирпичную стену. Рядом шла вторая, более широкая. Похоже, прежний проход замуровали, не переделав указатели.

Артур Пелэм, начальник отделения, встретил их у стойки. Он был в том возрасте, когда аккуратная одежда начинает казаться защитой от любых неблагоприятных известий. Серый жилет застёгнут до последней пуговицы; на краю манжеты ни пятнышка. При виде инспектора его взгляд сам собой ушёл к двери кассы.

— Я благодарен за приезд, мистер Грей. Однако хотел бы с самого начала устранить недоразумение. Суммы, о которых сообщил ревизор, невелики.

— Пока мы не знаем, сколько их, — ответил Томас.

— И потому я надеюсь, что разговор не выйдет за пределы моего кабинета.

В холле хлопнула тяжёлая дверь. Вошёл Питер Лэнг с мокрым цилиндром в руке. Его плащ был небрежно застёгнут, а в кармане торчали сложенные листы. Он кивнул Грею, не заметив, что Пелэм предложил ему говорить тише.

— Я нашёл второй ряд, — сказал Лэнг. — Те же номера в книге девятнадцатого года и на прошлой неделе. Если это случайность, она обладает выдающейся памятью.

Пелэм изменился в лице.

— Здесь посетители.

— Тем лучше. Среди посетителей, кажется, есть полицейский.

Элис отступила к схеме здания, приколотой рядом с расписанием обслуживания. Нижние комнаты на ней были обозначены 1, 2, 3 и 4; в пристройке, построенной позднее, начинали с номера 7. Пятой и шестой комнат не существовало: их предусматривали в первоначальном проекте, а затем отказались от них ради лестницы.

— Эта схема устарела, — сказал Пелэм, уловив направление её взгляда. — После ремонта двери перевесили.

— Двери или таблички? — спросила она.

— Для библиотеки, полагаю, разницы не будет.

Элис отметила ответ в блокноте. Роуэн заметил, как Лэнг обернулся на слово «таблички». Ему было что-то известно о дверях, но думал он сейчас о бумаге.

Глава 4

Кассовое окно

Мэриан Бек сидела за стеклом у третьего окошка. На табличке значилось «Денежные переводы». Сама Мэриан могла бы работать и в банке, и в больнице, и в суде: та же сдержанная улыбка для людей, которых надо выслушать, не обещая помощи. Она отрывала корешок квитанции одним точным движением. Основной зал закрывался в шесть, но боковое окошко для поздних выдач работало до четверти восьмого.

— До закрытия основного зала пять минут, — сказала она пожилой женщине перед окном. — Вам лучше прийти завтра с удостоверением.

Женщина мяла в руках перчатки.

— Но брат уезжает завтра утром.

Мэриан помедлила. Затем открыла отдельный ящик, достала бланк и попросила его расписаться. Нелл, проходившая с почтовым лотком, остановилась: этот ящик предназначался для выплат по старым обязательствам, а не для обычных переводов. Мэриан поймала её взгляд.

— Не задерживай очередь, Нелл.

— Очереди нет.

— Тогда не задерживай меня.

Нелл пошла дальше. На лестнице её догнал Уолтер Дин. Уолтер нёс кожаный футляр с переносным штемпелем; футляр оставляли курьеру для удалённых пунктов приёма.

— Ты видела, какой бланк она взяла?

— С зеленоватой кромкой.

— Не её очередь. Впрочем, не наше дело.

Он вынул штемпель из футляра и проверил число. Кольцо даты внизу было чуть перекошено. Мэриан объясняла это обычным износом, но Уолтер всегда различал три машинки отделения по отпечаткам. На переносной у месяца была короткая двойная риска, словно кто-то дважды коснулся бумаги острым пером. В сухую погоду её почти не было видно. Сегодня, после дождя, подушка напиталась влагой, и каждая мелочь проступала резко.

— Отчего проверяете? — спросила Нелл.

— От старой привычки. Передай Джорджу: пусть сушит подушку, а не закрывает мокрой. Иначе все письма будут выглядеть так, будто их клеймили вилкой.

Она взяла футляр. На несколько секунд он оказался у неё в руках; позже это время станет важным для вопросов, которые сам Уолтер тогда не мог предвидеть.

Глава 5

Лист без подписи

Лэнг разложил на столе два журнала. Один был тяжёлым, с обрезом, от которого остались тёмные полосы на его пальцах. Другой, недавний, ещё пах клеем. Томас попросил Пелэма оставить их в кабинете втроём, но начальник настоял на присутствии кассира. Бек принесла третий журнал и села у окна.

— Вы называете повторением номера, — сказала она, — то, что может быть просто новой серией. По окончании старой серии номера возвращались в оборот.

— Через двадцать лет? — спросил Лэнг.

— Порядок менялся несколько раз.

— Ни разу не так, как вы описываете. Видите эти две графы? В старой книге запись относится к переводу из Бродфена. В новой — к выплате в Бродфене. Кто-то использовал первый факт как основание для второго.

Он повернул книгу к Томасу. Несколько номеров были подчёркнуты карандашом; рядом стояли буквы «П» и «В». Роуэн, приглашённый Греем как независимый свидетель просмотра, заметил, что карандаш здесь мягче, чем на остальных страницах. Лэнг работал поспешно.

— Сколько записей? — спросил Томас.

— Пока одиннадцать. Но мне не хватает листа за сентябрь. Его вырвали аккуратно по шву, между двумя сшивками. Я хочу сравнить с корешками, которые хранятся внизу.

Пелэм взглянул на Бек. Та смотрела не на него, а на пальцы ревизора.

— В нижнем архиве сырость, — сказал Пелэм. — Не разумнее ли дожидаться утра?

— Утром книги могут оказаться ещё сырее. Я спущусь после закрытия. Мистер Керр обещал открыть четвёртую комнату.

Мэриан подняла голову.

— Четвёртую? Корешки денежных переводов должны лежать в седьмой.

— Там хранятся нынешние пакеты. Старые отправили в четвёртую, когда готовили переезд. Я видел опись.

— Описи тоже иногда ошибаются, — сказала она.

Лэнг улыбнулся без удовольствия. Томас видел людей, которые спорили с ревизором из страха потерять работу. Бек спорила словно о достоинстве системы: если одна строка будет названа ошибкой, весь порядок окажется менее надёжным. Её поведение могло быть защитой честного труда. Могло быть и привычкой защищать чужую невнимательность, ставшую для неё выгодной.

Когда они вышли, Роуэн задержался возле стола. Вчерашняя квитанция из зелёной книжки лежала среди приложений к журналу. Мэриан протянула руку, чтобы забрать её, затем передумала.

— Она вам нужна? — спросила она.

— Пока нет.

— Тогда позвольте положить на место. Бумага портится от лишних рук.

— Хорошее правило, — сказал Роуэн. — Особенно для бумаги, к которой эти руки привыкли.

Она впервые посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд длился лишь мгновение; в нём не было ни испуга, ни вызова. Было точное измерение расстояния.

Глава 6

Дом у канала

Вайолет Фенвик приняла Элис и Роуэна в комнате, окна которой выходили на воду. Она попросила не снимать пальто: камин сегодня не растапливали, потому что трубочист открыл в дымоходе трещину. На столе лежало письмо, доставленное утром. Адрес «миссис Агнес Фенвик» был выведен таким же старательным почерком, как на конверте, найденном Нелл.

— Вы пришли из-за него? — спросила Вайолет.

— Из-за старого почтамта, — ответила Элис. — Но это письмо касается нас, если вы хотите его показать.

Вайолет колебалась. Роуэн не протянул руки. Она сама вынула лист. В нём неизвестный автор требовал, чтобы наследники публично признали неправильную дату на письме, которое когда-то легло в основу завещания. Не было ни названной суммы, ни прямой угрозы. Последняя строка гласила: «Вторую дату знают не только мёртвые».

— Моя бабушка умерла в девятнадцатом, — сказала Вайолет. — Мне было шесть. Каким образом её имя связано с завещанием, я не знаю.

— А ваш брат? — спросил Роуэн.

— Руперт знает меньше меня и говорит громче. Для него это обычное письмо сумасшедшего. Но утром он уже ездил к Бэрроу, хотя обещал оставить всё без внимания.

Элис осмотрела стену возле окна. Трещина шла от подоконника к углу и могла объясняться осевшим фундаментом. Она сделала зарисовку, не мешая разговору. Дом у канала интерпретировал её как здание; Вайолет — как человек, которому в собственном доме вдруг предъявили чужую старую вину.

— Зачем автор пишет умершей? — спросила Вайолет. — Если он хочет услышать признание, он выбрал странного собеседника.

— Именно поэтому письмо пришло сюда, — ответил Роуэн. — Он хочет, чтобы живые прочитали то, чего мёртвые уже не могут опровергнуть.

Вайолет снова вложила лист в конверт. На секунду Элис увидела оттиск штемпеля: чёрное кольцо, цифра месяца и две короткие риски рядом с ней. Она ещё не знала, что они означают. Роуэн ничего не сказал, лишь попросил разрешения записать дату отправления.

После их ухода Вайолет стояла у окна, пока они не скрылись за поворотом. Она открыла секретер и достала коробку с семейными бумагами. На дне лежал перевязанный лентой конверт без письма. Его штемпель относился к совсем другому году. Вайолет посмотрела на него так, словно впустила в комнату старого знакомого, которого давно считала умершим.

Глава 7

Коллекционер

Персиваль Слоун держал магазин на площади, но продавал в нём главным образом то, что купили бы сами продавцы: альбомы, лупы, узкие пинцеты, специальные конверты. Настоящие марки он показывал лишь людям, рекомендованным другими коллекционерами. Уолтер Дин приходил туда через боковой вход.

В тот вечер Уолтер принёс не марку, а вопрос.

— Если конверт проштемпелевали вчера, а отправили сегодня, вы определите разницу?

— По бумаге? Нет.

— По чернилам?

— Возможно. Зависит от подушки. А ещё от того, лежал ли конверт под дождём, в кармане или на батарее. Для чего вам?

Уолтер достал маленький отрезок бумаги с пробным оттиском. Слоун не взял его сразу. У них были свои правила: если продавец сперва спросил цену, он получал худшую.

— Это не марка, — сказал Уолтер.

— Я вижу.

— Это переносной штемпель нашего отделения. Посмотрите возле месяца.

Слоун приблизил лупу. Под обычной окружностью виднелась ещё одна, очень короткая черта, сдвинутая к центру. Коллекционер вскинул брови.

— Износ металла. Не особенно редкий.

— Я и не ищу редкости. Вчера вечером та же риска появилась на письмах из мешка, который никто не открывал до сегодняшнего утра.

— Значит, кто-то открыл его вчера вечером.

Уолтер покачал головой.

— Или положил письма сегодня после того, как увидел, что мешок вскроют. Мне важно понять, когда штампом пользовались. Сухая подушка оставляет одну линию, мокрая две. Сегодня утром был дождь.

— Вчера тоже.

— Но вчера футляр лежал в сухом шкафу. Я сам его ставил.

Он забрал пробу, не заметив, как Слоун проводил его взглядом. За спиной коллекционера на полке стоял альбом с марками, которые полагалось уничтожить при ревизии много лет назад. Уолтер продал ему несколько листов. Из-за этого он не мог идти к инспектору, не открыв одновременно собственное дело.

Глава 8

Номер семь

К шести часам основной зал опустел. В здании остались Пелэм, Бек, оба сортировщика, архивист Керр, курьер Хейл и смотритель Абель Мосс; через боковое окошко ещё принимали поздних посетителей. Томас с Роуэном не входили в служебный круг: они ждали у начальника расписания доступа к хранилищам. Элис прошла по лестницам с рулеткой и попросила Мосса показать ей кирпичную стену, перекрывающую старый коридор.

— Здесь когда-то было два прохода? — спросила она.

— Один длинный и один короткий. Короткий замуровали после пожара. Теперь все идут через пристройку, поэтому седьмая комната встречается прежде четвёртой. Люди путают, даже те, кто здесь работает.

На дверях висели овальные металлические таблички. Их закрепили шурупами. У номера четыре внизу проступал светлый прямоугольник — прежняя краска не успела потемнеть там, где когда-то стояла более широкая пластина.

— Вы меняли таблички? — спросила Элис.

— Две недели назад. Горсовет просил примерить новую навигацию. Я снял их и вернул, а ночью Пелэм велел оставить старые номера до переезда. С тех пор ничего не трогал.

— Отверстия совпали?

— Почти. Я подпилил один шуруп. Теперь, если снова менять, свежую царапину увидишь без очков.

Он открыл четвёртую комнату своим большим ключом. Внутри стояли три шкафа и стол с зелёным сукном. Один шкаф был пуст; в другом лежали переплетённые книги, подготовленные к передаче городскому архиву. Элис измерила толщину внутренней стены. За нею не было полости, пригодной для человека, хотя слухи о тайном проходе уже ходили по городу.

— А почему замок такой тяжёлый? — спросила она.

— Когда дверь закрыта, она захлопывается сама. Открыть снаружи можно только ключом. Изнутри ручка работает без него. Бумагу раньше держали сухой и запертой; теперь держат просто запертой.

Элис кивнула. Для библиотечного проекта такой замок не подходил: ребёнок мог закрыть за собой дверь. Она записала это рядом с пометкой о сырости. На лестнице появилась Мэриан Бек с папкой.

— Мистер Лэнг спрашивал, где находится четвёртая комната. Я указала ему на этот коридор.

— Он придёт после закрытия? — спросил Мосс.

— Говорил, что придёт. Ревизоры редко отказываются от того, что обещали проверить.

Она улыбнулась. Элис не понравилась улыбка, но она не превратила неприятное впечатление в вывод.

Глава 9

Разговор, который не состоялся

Томас застал Лэнга у телефонного аппарата в пустой приёмной. Ревизор прикрывал трубку ладонью и говорил слишком быстро для служебного звонка.

— Нет, завтра поздно. Я положил копию в свой портфель. Если со мной случится... Нет, не говорите глупостей. Просто возьмите её утром.

Увидев инспектора, он прервал разговор.

— Хотел удостовериться, что моя контора пришлёт второго человека, — объяснил Лэнг.
— Один я тут к вечеру перестану различать бумагу.

Томас не спросил, почему ревизор произнёс «если со мной случится». Люди, которым приходится спорить с начальством, иногда воображают опасность прежде, чем она возникает. Но Лэнг заметил взгляд инспектора и сам продолжил:

— Не тревожьтесь. У меня есть привычка страховать записи, особенно в отделениях, где документы переходят из одной комнаты в другую чаще, чем письма переходят к адресату.

— Вы можете назвать подозреваемого?

— После сравнения корешков. Сейчас имя было бы догадкой.

— А письмо, пришедшее мистеру Роуэну?

— Я о нём слышал только от вас. Может быть, кто-то пытается втянуть в нынешнюю проверку старое судебное дело. Меня интересуют нынешние деньги.

Томас уважал эту узость задачи. Он сам хотел бы удержать расследование в границах бухгалтерских книг. Однако мешок с письмами к умершим уже лежал у Керра, и городская газета получила слух о «почте с того света». Как только слова попадают в заголовок, они начинают управлять людьми сильнее фактов.

— Я спущусь с вами, — сказал он.

Лэнг отрицательно покачал головой.

— Сначала посмотрю один. Если вы войдёте как полицейский, каждый лист превратится в показание. Мне надо найти простой ответ или убедиться, что его нет. В семь тридцать я вернусь и покажу вам результат.

— Тогда в семь тридцать, — сказал Томас.

Они пожали руки. У ревизора пальцы были холодны, хотя в приёмной хорошо топили. Томас позже вспоминал не эту подробность, а то, что Лэнг говорил о копии в портфеле. Портфель исчезнет прежде, чем кто-либо вспомнит, где его видели в последний раз.

Глава 10

Обед на верхнем этаже

Служащие ели у длинного стола над сортировочной. Кухарки в здании не было; каждый приносил свою еду, и чай считался единственным общим имуществом. Пелэм не участвовал в этих ужинах, но в день приезда ревизора сел во главе стола, словно совместная трапеза могла показать инспектору порядок.

Айрис Форд, журналистка местной газеты, появилась с записной книжкой и сырой шляпой. Пелэм уверял, что её не приглашал. Айрис сказала, что вошла через открытую дверь, по которой граждане ещё имели право проходить до окончания рабочего дня. Формально она опоздала на две минуты; никто не мог доказать, что часы в холле шли верно.

— Правда, что письмо пришло человеку, умершему двадцать лет назад? — спросила она, не дожидаясь чая.

Нелл опустила глаза. Мэриан ответила первой:

— Правда, что журналисты умеют задавать вопросы, не проверив даже дату смерти.

— Тогда поправьте меня.

— Не стану помогать заголовку, который вы уже придумали.

За столом улыбнулись. Айрис не обиделась. Её интересовал не смех, а то, кто посмотрел на кого после ответа. Керр отодвинул тарелку. Руперт Фенвик, сидевший у двери после разговора с Пелэмом, скрестил руки. Зачем наследник дома у канала пришёл на служебный ужин, Айрис ещё предстояло узнать.

— Если вы пишете о мёртвых, — сказал Руперт, — напишите и о живых, которым надо платить за эти глупости.

— Вы получили письмо? — спросила Айрис.

— Моя сестра получила. Достаточно, чтобы вы оставили её в покое.

Уолтер Дин поднялся с места. В его кармане лежал пробный оттиск переносного штемпеля. Он хотел показать его Лэнгу, но ревизор уже спустился вниз. Уолтер не знал, что между желанием рассказать и рассказом иногда помещается целая жизнь — или её остаток.

Керр вышел следом. Пелэм проводил его взглядом и сказал, что старые письма пока не являются новостью. Айрис записала эти слова дословно. Когда начальник отделения говорит, что нечто не является новостью, чаще всего он уже прочёл об этом больше остальных.

Глава 11

Полчаса до обхода

В семь Мосс проверял окна. Он начал с верхнего этажа, затем спустился к новым комнатам пристройки. В обычный вечер четвёртую комнату он обходил в десять минут восьмого; сегодня Пелэм велел отложить обход до половины, чтобы не мешать Лэнгу. Записка с этим распоряжением лежала у него в кармане, подписанная начальником. Позднее он вспомнит, что чернила на ней ещё не высохли, когда её принесли, хотя Пелэм утверждал, что написал распоряжение утром.

Мэриан вышла из кассы с лотком квитанций. Она сказала Нелл, что отнесёт их в седьмую комнату. Нелл как раз разбирала мешок с невручёнными письмами и увидела, как Бек свернула к нижней лестнице.

— Седьмая наверху, — заметила она.

— Я знаю путь, — ответила Мэриан.

Через несколько минут Джордж Хейл привёз последнюю почту. Он оставил велосипед во дворе и вошёл с мокрым мешком. В коридоре стояла Айрис Форд, пытаясь найти выход, который ей показали при входе. Хейл указал на дверь с цифрой четыре.

— Через этот проход выйдете к лестнице. Только не мешайте ревизору.

— Он там?

— Видел, как спускался. Мосс скоро пойдёт на обход.

Они услышали за дверью короткий удар, затем ещё один. Айрис решила, что в комнате передвигают шкаф. Хейл подумал о часовом механизме, который иногда хранили вместе с почтовыми весами. Никто из них не открыл дверь. На самом деле дверь, перед которой они стояли, уже носила чужой номер.

В то же время Лэнг находился за другим поворотом. Он открыл папку на столе с зелёным сукном и положил рядом старый журнал. Он успел увидеть номер, повторённый в нынешней книге не одиннадцать, а двенадцать раз. Двенадцатый перевод не имел подписи получателя. Ревизор вырвал листок из блокнота, написал два слова и дату. Кто-то вошёл без стука; дверь он оставил неплотно закрытой.

— Теперь вы видите, — сказал Лэнг.

Ответа из коридора не слышали.

Глава 12

Комната, которую открыли не первой

В половине восьмого Мосс пришёл к двери с табличкой «4». Она была заперта. Изнутри раздался сухой металлический стук. Мосс приложил ухо к дереву и сказал, что мистер Лэнг, должно быть, занят с замком шкафа. Он постучал. Стук повторился через несколько секунд, но человеческого голоса не было.

Айрис и Хейл находились рядом. Журналистка хотела спросить ревизора о письмах, курьер ждал, когда снимут засов с грузового выхода. Оба потом подтвердили, что Мосс обходил именно четвёртую комнату. Они видели номер на двери. Ни один не знал расположения старых комнат по памяти.

Мосс достал связку ключей. Ключ от четвёртой комнаты вошёл в замок, но не повернулся.

— Странно, — сказал он. — Наверное, Лэнг изнутри подпер дверь.

— Вы же говорили, там нет внутреннего засова, — заметила Айрис.

— Значит, я взял не тот ключ.

Он перебрал связку. Ключ с биркой «7» подошёл. В комнате никого не было. На полу лежал пакет, внутри которого тикал старый будильник. Его положили под перевернутую корзину, и железный звон казался стуком по шкафу. Хейл первым понял, что табличка на двери не соответствует замку.

— Мы не там, — сказал он.

Они побежали по коридору. У настоящей четвёртой комнаты номер уже отсутствовал: на двери остались два отверстия и светлое пятно. Замок захлопнулся автоматически. Мосс открыл дверь своим ключом. Питер Лэнг лежал возле стола, не двигаясь. Томас, пришедший на звук бегущих шагов, попросил всех отступить. Он проверил пульс и затем закрыл глаза.

— Никого не выпускайте, — сказал он Пелэму, появившемуся из верхнего коридора. — И принесите мне список тех, кто оставался в здании после шести.

Пелэм смотрел на Лэнга с тем выражением, которое бывает у человека, увидевшего прежде всего конец своей службы. Айрис всё ещё держала записную книжку открытой. Она не могла записать ни слова.

Роуэн вошёл последним. На зелёном сукне остался прямоугольный отпечаток от лежавшей там книги. Возле него виднелась крошечная чёрная частица, похожая на отломившийся кончик карандаша. Портфеля ревизора нигде не было.

— Он обещал мне ответ в половине восьмого, — сказал Томас.

— Теперь вопрос — когда он перестал иметь возможность его дать, — ответил Роуэн.

Он посмотрел на голую дверь. В этой комнате не было тайного хода. Преступнику хватило того, что люди пришли к другой.

Глава 13

Время, записанное чужой рукой

Врач приехал через сорок минут. Он осмотрел Лэнга без поспешных выводов и сказал лишь, что смерть наступила до половины восьмого. Насколько раньше, по первым признакам определить нельзя. На затылке у ревизора была рана от тяжёлого предмета; подробности Томас попросил оставить для медицинского заключения. Никому из служащих они не помогли бы сейчас сказать правду.

Пелэм составил список находившихся в здании. Девять имён, не считая Лэнга и троих гостей. Айрис настояла, чтобы её добавили, хотя до того Пелэм предпочёл бы считать её случайным посетителем. Руперт Фенвик вышел в шесть сорок и возвращался ли, никто не видел. Слоун, коллекционер, якобы никогда не входил в служебную часть. Адвокат Бэрроу мог пользоваться боковой дверью по старой договорённости с начальством. В тесном круге обнаружилось несколько неуверенных границ.

Мосс принёс записку об изменении обхода. Томас держал её за края.

«Сегодня нижнее хранилище проверять после половины восьмого. Ревизор работает с архивом. А. П.»

— Это ваша подпись? — спросил он Пелэма.

— Похоже на мою. Но я не помню, чтобы писал записку. Мосс мог понять устное распоряжение и оформить его сам.

— Я не подделываю чужое имя, — тихо сказал Мосс.

Пелэм отвёл взгляд.

Элис изучила бумагу. На обороте проступала слабая строка, написанная раньше, чем послание Моссу. Не текст — вдавленные следы. Кто-то взял верхний лист из блокнота, когда под ним лежала эта бумага. Она попросила у Томаса лупу, но он покачал головой: пока не сделают фотографию, трогать документ нельзя.

— Разрешите хотя бы увидеть блокнот начальника, — сказала она.

Пелэм принёс его сразу. Верхний лист был чист. Под ним лежала копия распоряжения о вывозе мебели, написанная две недели назад. Вдавленные линии на записке Мосса не совпадали с видимым текстом. Кто-то написал её на чужой стопке бумаги и хотел, чтобы она выглядела частью распорядка.

Роуэн тем временем осмотрел табличку, снятую с одной двери и найденную за шкафом в пустой седьмой комнате. Под головкой шурупа лежала свежая металлическая пыль. Он видел подобную у людей, снимавших вывеску в спешке: отвёртка срывалась и царапала край. Мосс утверждал, что при прошлой перестановке работал медленно и чистил пластины. Роуэн ему пока верил лишь в том, что тот достаточно любил порядок, чтобы помнить собственную работу.

— Почему будильник? — спросила Айрис.

— Чтобы мы приняли звук за работу живого человека, — ответил Томас.

— Тогда тот, кто поставил его, знал время обхода.

— Или назначил это время сам, — сказал Роуэн.

В этой разнице заключалась первая развилка дела.

Глава 14

Невручённая почта

Саймон Керр дал показания в кабинете, где обычно заполняли заявки на пропавшие письма. Он сказал, что вечером видел Лэнга в лестничном пролёте, но в четвёртую комнату вместе с ним не входил. Его ждала инвентаризация мешка 1916 года. Пелэм подтвердил это лишь наполовину: он видел Керра у мешка в шесть, но после семи тот мог свободно передвигаться.

— Зачем мешок откопали именно сегодня? — спросил Роуэн.

— Городской совет потребовал закончить учёт до передачи здания.

— Бирка старая, бечёвка новая.

— Я перевязал его вчера. Узел распался.

— Значит, вы открывали мешок вчера?

— Я не сказал этого.

Керр протёр очки. У него были тонкие пальцы человека, который много лет поднимал край бумаги, стараясь не порвать его. Нелл, ждавшая в коридоре, вспомнила, как он начал фразу «Я вчера сам...» и остановился. Она не знала, должна ли сообщить Томасу об обрывке, который ничего не доказывал. Сообщила.

— Я вчера сам проверил узел, — объяснил Керр. — После того как перевязал. Вот что хотел сказать.

— Тогда почему боялись закончить фразу? — спросил Томас.

— Потому что в этом здании любое лишнее слово немедленно получает собственную комнату.

Роуэн попросил показать письма. В мешке было семьдесят два конверта — большей частью настоящая невручённая корреспонденция времён войны, адресованная людям, которые переехали или умерли. Три белых конверта выделялись слишком ровными углами. Два пришли в дом Фенвиков, одно — самому Роуэну. На последнем стояло его имя, хотя адрес отправителя отсутствовал.

— Вы когда-нибудь слышали о деле Фенвиков? — спросил он Керра.

— В архиве много семейных имён. Если память служит мне добрую службу, вдова одного из Фенвиков оспаривала завешание.

— Я работал секретарём суда, в котором слушалось это дело.

— Тем более вероятно, что вы помните детали лучше меня.

Томас наблюдал за ним. Керр не удивился связи. Ожидал ли он её? Или журналистка успела рассказать? В мешке лежали три письма, но список получателей, составленный Нелл утром, содержал четыре строки. Четвёртый конверт исчез.

— Кто взял его? — спросил Томас.

Нелл посмотрела на Уолтера. Тот ответил, что не трогал. Керр тоже отрицал. Мэриан Бек, проходившая мимо двери, сказала, что письма к умершим не относятся к денежным переводам и никогда не лежали в её кассе. Никто не спрашивал её о кассе.

Глава 15

Сорванный лист

На столе Лэнга нашли две книги, но не его блокнот. Портфель исчез. Утром, после повторного осмотра хранилища, Томас обнаружил под шкафом папку без завязок. На обложке чернилами вывели «Выплаты по утерянным поручениям». Внутри лежали документы за прошлую весну и начало лета. Листы за сентябрь были вырезаны ножом.

Пелэм утверждал, что не видел эту папку прежде.

— Она не проходила через мой стол.

— Через ваш стол проходят итоговые ведомости, — напомнил ему Томас.

— Их подписываю я, но сверяют кассиры.

— Одна кассир, — поправил Роуэн. — Вчера мы видели за окном только мисс Бек.

Начальник отделения прикрыл глаза. Он понял направление разговора и ненавидел его: если в подделке участвовала Бек, он оказался начальником, который не заметил собственную кассу. Если не участвовала, он уже почти назвал её виновной без основания.

Роуэн поднял из-под шкафа тонкую полоску бумаги. На ней сохранились половина номера и часть слова «получатель». Полоска подходила по цвету и разлиновке к вырезанному сентябрьскому листу. Возможно, нож прошёл неровно. Возможно, кто-то оставил её как улику, потому что торопился. Пока это говорило только о том, что лист удалили здесь, а не в другом помещении.

— Если бы я хотел скрыть записи, — сказал Пелэм, — сжёг бы всю папку.

— Тогда ревизор понял бы, что пропало нечто важное, — ответил Роуэн. — Отсутствие нескольких листов можно назвать небрежностью при переезде.

— Вы подозреваете меня?

— Я стараюсь понять, почему вы так быстро объясняете лучшее средство уничтожения доказательств.

Пелэм не нашёл ответа. На самом деле он уже думал о письмах с жалобами, которые спрятал в своём кабинете и собирался уничтожить после передачи здания. Они не касались денег. Они касались семей, не получивших во время войны известий вовремя. Эта вина была меньшей, но он не желал показывать её.

Глава 16

Два часа у адвоката

Джулиан Бэрроу работал в доме с белыми ставнями напротив церкви. Он встретил Томаса без удивления: после смерти Лэнга город заговорил раньше, чем утренние газеты успели выйти. На стене его кабинета висела фотография старого суда. Роуэн узнал зал, в котором когда-то составлял протокол по делу Фенвиков.

— Вы были тогда молодым клерком, — сказал Бэрроу. — Я ещё помню, как вы исправили имя свидетеля. Один лишний слог, и завещание могли бы оспорить совсем по другому основанию.

— Я исправил то, что было сказано, — ответил Роуэн.

— Вот почему ваше имя здесь помнят.

Бэрроу предложил чай. Томас отказался и показал копию письма Вайолет Фенвик.

— Кто мог знать о неправильной дате?

— Несколько человек. Завещательница, её сын, я. Теперь жив только я.

— Вайолет тоже знает больше, чем признаёт, — сказал Роуэн.

Адвокат встал, подошёл к окну и вернулся. Движение было настолько обычным, что могло означать лишь желание собраться с мыслями. Его пальцы, однако, оставили влажный след на подоконнике.

— Если вы намерены возобновить гражданский спор двадцатилетней давности, делайте это по документам, не по письму без подписи.

— Мы выясняем убийство ревизора, — сказал Томас. — Он мог интересоваться старой перепиской.

— Он интересовался переводами, насколько мне известно.

— Откуда?

— Город невелик. Пелэм звонил мне вчера вечером и спрашивал, имеет ли право не выдавать полицейскому книги до ордера.

Томас запомнил час звонка. Пелэм называл другое время, отвечая на вопросы о своём вечере. Это могло быть ошибкой памяти. Могло оказаться попыткой скрыть, что юрист советовал ему убрать бумаги. Бэрроу, заметив паузу, сообщил сам:

— В семь десять. Моя секретарь отметила в журнале. Я сказал Пелэму открыть всё, что требуется по делу о смерти.

Пелэм услышит этот ответ и перестанет доверять адвокату. Но уже не сможет изменить факт звонка.

Когда они выходили, Бэрроу окликнул Роуэна.

— Ту фразу судьи, которую вы получили письмом, я тоже слышал. Думаете, только секретарь умел запоминать?

— Вы сидели в другой комнате, мистер Бэрроу. Я хорошо помню, кто был в зале до начала слушания.

Адвокат впервые потерял ровный тон.

— Значит, вы помните и того, кто стоял у двери.

Глава 17

Человек у двери

В старой записи Роуэна человек у двери не был назван по имени. Он подал судье папку и ушёл до начала заседания. У него была перевязана левая рука. Роуэн столько лет считал его случайным рассыльным, что не задавал вопроса, почему тот присутствовал при разговоре о завещании. Теперь кто-то напомнил ему именно о нём.

Элис нашла мужа и Роуэна в доме для приезжих. Томас разложил на столе план почтамта и отметил карандашом места, где в семь часов видели каждого служащего. Элис положила рядом собственную схему.

— Ваш план составлен после пристройки. Вот прежняя лестница. И вот что изменилось: дверь, которую теперь называют четвёртой, раньше открывалась из другого коридора. Поэтому номер четыре оказался рядом с седьмым на новой дороге.

— Удобно для того, кто знает старую схему, — сказал Томас.

— И для того, кто знает новую. Не стоит считать само здание сообщником.

Роуэн попросил её вспомнить, кто слушал объяснение Мосса о табличках. Элис назвала себя, Бек и, возможно, Нелл: девушка прошла мимо в начале разговора. Мосс рассказывал о свежей царапине при любой возможности; кто-то мог услышать и раньше. Замена табличек не требовала особой тайны. Требовалось время без свидетелей.

— В семь десять Пелэм звонил Бэрроу, — сказал Томас. — В семь двадцать Мосс уже шёл к ложной четвёртой комнате. Примерно в этом промежутке произошла смерть.

— Или раньше, — заметил Роуэн. — Будильник мог начать стучать по назначенному времени. Его завели с расчётом на обход.

Томас провёл линию от кассы к нижнему коридору. Элис увидела, что он пытается расположить людей по кратчайшим путям.

— Там две лестницы, но одна заканчивается у замурованной двери. Если человек привык к старому зданию, он может вернуться назад. Значит, некоторые ваши сроки слишком коротки.

— Ты говоришь о Бек? — спросил Томас.

— Я говорю о любом, кто вышел из кассы и пришёл к четвёртой комнате. Ты не можешь нарисовать прямую линию сквозь стену.

Он стёр карандаш. В иной вечер такая поправка вызвала бы лёгкий спор. Сейчас Томас поблагодарил её. Элис по тому, как он складывал план, поняла, что письмо из Лондона снова лежит у него в портфеле. Она хотела спросить прямо, но дала ему закончить мысль о деле. В том, что она откладывала разговор, тоже была вина.

Глава 18

Руперт и его долги

Руперта Фенвика нашли в конторе торговца углём. Он не покупал уголь: ждал человека, который обещал ему дать денег до субботы. При виде инспектора он поднялся с такой поспешностью, что опрокинул стул.

— Если речь о письме, я уже сказал сестре: оно не стоит внимания.

— Мы хотим узнать, почему вы были на почтамте вчера после закрытия, — ответил Томас.

— Я приехал за Вайолет. Она просила узнать, кто отправил конверт. Пелэм отказался назвать отправителя, потому что имени нет.

— Вы видели Лэнга?

— Издали. Он нёс портфель. Я ушёл прежде, чем случилось... всё это.

Роуэн спросил, был ли у Руперта доступ к старым семейным бумагам. Молодой человек покраснел.

— Какие именно бумаги?

— Доверенность, оформленная при продаже участка за каналом.

— Вы не имеете права обсуждать со мной моё имущество без адвоката.

— Тогда пригласим адвоката. Но сначала вы скажете, где находились между семьёю и половиной восьмого.

Руперт назвал трактир. Там его видели два человека, но ни один не мог точно вспомнить время. Он скрывал не только долг: месяц назад он подписал доверенность именем сестры, чтобы заложить часть имущества. Подделка могла объяснить его страх перед письмом и перед адвокатом. Смерть Лэнга ничего ему не давала; ревизор не проверял собственность Фенвиков. Томас удержал эту разницу, хотя долг часто кажется удобным универсальным мотивом.

Когда они вышли, Роуэн остановился у витрины с угольными квитанциями.

— Он лжёт о наследстве, — сказал он. — Но не обязательно о вчерашнем вечере.

— Вы склонны ему верить?

— Я склонен не вкладывать в его ложь убийство, пока она объясняет лишь денежный голод.

Из-за угла вышла Айрис Форд. Она слышала конец разговора и сделала вид, что рассматривала рекламную доску. Томас попросил её не публиковать имена до установления фактов. Айрис ответила, что фамилия Фенвик уже появилась в городских разговорах. Затем добавила:

— Я не печатаю слухи. Но если почта превращают в библиотеку, странно скрывать то, что там годами не читали собственные книги.

Это прозвучало как газетная фраза. Впрочем, за ней стояло настоящее раздражение: её отец однажды потерял деньги из-за невручённого извещения. Айрис не забывала это, даже когда выбирала заголовок.

Глава 19

Старая жалоба

Пелэм сам пригласил Томаса в кабинет. Он раскрыл ящик, в котором лежали письма с жалобами двадцатилетней давности. Бумаги были разложены по фамилиям и перевязаны лентами. На одной стояло имя матери Айрис Форд.

— Я задерживал передачу некоторых жалоб, — сказал он. — Не потому, что пытался присвоить деньги. Во время войны один сортировщик уничтожил часть уведомлений, считая их дублями. Я узнал позже и не сообщил в округ. Тогда бы отделение закрыли. С тех пор храню письма, чтобы при случае возместить людям расходы.

— Вы возместили? — спросил Томас.

Пелэм опустил глаза.

— Не всем.

— Тогда это не возмещение, а память о нём.

Начальник принял замечание без спора. Роуэн просмотрел верхние листы и заметил подпись архивиста под одной из описей — не нынешнего Керра, а его отца. Семья Керров служила здесь много лет. Если кто-то знал старые судебные подробности, искать его стоило не только у адвоката.

— Почему вы показываете нам это теперь? — спросил он.

— Потому что вчера я испугался, когда Лэнг заговорил о старых номерах. Я думал, он нашёл именно эти письма. Но они касаются извещений, а не переводов. Моя тайна остаётся моей виной, но, похоже, она не объясняет его смерть.

Томас записал, где Пелэм находился во время обхода. Начальник сказал, что говорил с Бэрроу по телефону, затем сортировал бумаги один. Его никто не видел. Наличие собственной тайны делало его алиби ещё слабее, но его признание открывало путь к проверке.

На выходе Роуэн увидел на полке запасной штемпель. Кольцо оттиска было ровным. Пелэм охотно разрешил сделать пробу на чистом листе. Мокрая подушка давала широкую чёрную полосу, но второй риски возле месяца не было. Роуэн сложил лист и попросил не заменять подушки до окончания расследования.

— Вы ищете отправителя писем? — спросил Пелэм.

— Пока ищу способ различить письма, которые хотят выглядеть одинаково.

Глава 20

Утрата, которой не было

В седьмой комнате Томас нашёл журнал потерь за прошлый год. В нём должны были отмечать испорченные бланки: каждую ошибочно заполненную квитанцию сохраняли, чтобы номер не возвращался незаметно в оборот. На одиннадцати страницах записи были ровными. Двенадцатая, сентябрьская, заканчивалась на середине строки. Следующая начиналась новой датой, но чернила меняли оттенок на полтона.

Мэриан Бек принесла чистые бланки для сравнения.

— У нас две партии чернил, — объяснила она. — Один поставщик задержал заказ, пришлось купить местные. Если вы будете считать это уликой, вам придётся арестовать аптекаря.

— Мы не считаем оттенок преступлением, — сказал Томас. — Но хотим понять, почему в сентябре утратили меньше бланков, чем обычно.

— Меньше ошибок. Лето было спокойным.

— Ревизор нашёл двенадцатый перевод без подписи.

Её пальцы остановились на краю пачки.

— Где?

— В старой книге.

Она выдохнула, не отводя взгляда. Роуэн заметил это и решил ничего не добавлять. Если Бек ожидала вопроса о недавнем переводе, её реакция могла многое означать. Если она испугалась просто названного числа, любая следующая фраза дала бы ей возможность исправиться.

— У каждого счета есть получатель, — сказала она после паузы. — Даже если он не расписался, должен быть документ.

— Значит, найдём его.

Мэриан ушла. Томас наклонился к Роуэну.

— Вы думаете, она знает, где документ?

— Она не спросила, почему ревизор смотрел старую книгу. Она спросила только, где он нашёл запись. Это может быть знание процедуры. Но может быть страх, что он дошёл дальше, чем она рассчитала.

Внизу щёлкнула дверь. Вошёл Джордж Хейл, принёсший мешок с ответами на запросы. Томас попросил его остаться: курьер несколько раз доставлял пакеты на станцию Риджли, откуда выплачивали суммы по просроченным поручениям. Джордж уверял, что никогда не читал содержимого. Это было правдой и не спасало его от участия в схеме.

— Я перевозил запечатанные конверты, — сказал он. — Если там были деньги, ответственность не моя.

— Кто давал их вам?

— Обычно мисс Бек. Иногда Пелэм. Один раз — молодой человек, назвавшийся помощником кассы. Я не знаю его имени.

Роуэн попросил описать незнакомца. Джордж вспомнил шрам над левой бровью и дешёвый плащ. Мэриан Бек позже скажет, что у неё нет братьев. В городе найдётся фотография, на которой она стоит рядом с мужчиной именно с таким шрамом.

Глава 21

Бумага для двух писем

Нелл Прайс пришла к Элис вечером. Она не искала инспектора: боялась, что её собственный поступок вмиг превратится в преступление. Элис слушала её в комнате для приезжих, пока в коридоре приносили ужин.

— Я открыла одно письмо, — сказала Нелл. — Не из найденного мешка. Другое, месяц назад. Оно было адресовано моей сестре, но пришло на старый адрес. Я хотела узнать, пишет ли ей муж. Он ушёл год назад и обещал вернуться.

— Вы прочли?

— Там было от него. Он просил не ждать. Я вложила письмо обратно и отправила. Теперь, если узнают, меня уволят.

Элис не притворилась, что нарушение пустяковое. Тайна письма не должна зависеть от боли того, кто его сортирует. Но она понимала, почему Нелл испугалась сейчас: при расследовании проверяли всё, что касалось конвертов.

— Вы думаете, это имеет отношение к убийству?

— Нет. Но в тот день я взяла из шкафа бумагу, чтобы написать сестре собственное письмо, и увидела запас кассовых уведомлений. Они плотнее обычной бумаги, с крошечными волокнами синего цвета. Сегодня письма к Фенвикам были напечатаны на такой же бумаге. Я не говорила Керру. Он разозлится, что я трогала мешок.

— Все три письма?

— Одно. То, которое лежало сверху. Другие я видела издали.

Элис достала блокнот и попросила нарисовать, где находился шкаф. Нелл указала на кассовую комнату, к которой сама имела доступ только днём, когда Бек оставляла дверь открытой. Нелл не заметила, что сказала важнее, чем думала: шантажист мог выбрать обычную бумагу для двух писем, а кто-то другой добавил третье, используя служебный запас.

Когда Томас вернулся, Элис передала ему слова Нелл. Они говорили недолго. Затем Томас показал ей письмо о переводе в Лондон, не сопровождая его объяснениями.

— Я хотел обсудить это раньше, — сказал он.

— Я тоже видела конверт раньше, чем призналась.

— Я ещё не ответил.

— И не хочу, чтобы ты отказался из-за меня, не спросив, что я сама могу выбрать.

Они не решили вопрос. Но впервые в нём появились два человека, а не письмо и молчание.

Глава 22

День без дождя

Утром погода прояснилась. Слоун пришёл в почтамт с альбомом образцов и предложил сравнить штемпели. Он надеялся выглядеть полезным экспертом, прежде чем Уолтер расскажет о проданных марках. Однако Уолтер не явился на работу. Его жена сказала, что он вышел до восьми, обещав вернуться к завтраку.

— Вы виделись с ним вчера? — спросил Томас.

— Он заходил в мой магазин, — признал Слоун. — Показывал пробу с переносного штемпеля. Я объяснил, что малая риска может меняться из-за влажности подушки.

— Почему не сказали сразу?

— Вы спрашивали об убийстве. Мне не пришло в голову, что чернильная царапина кого-то убила.

Роуэн сомневался, что Слоун так легко забывает любые оттиски. Коллекционер воспринимал бумажные мелочи как другие люди — лица знакомых. В его магазине могли лежать марки, которые Уолтер взял незаконно; признание связи делало эти альбомы доступными полиции. Когда Томас попросил показать покупные книги, Слоун наконец рассказал о листах, купленных у Дина.

— Я думал, он получил их при списании. Заплатил ему обычную цену. Если он украл, верну всё.

— Вы не думали спросить документ?

— В маленьком городе бумаги зачастую хуже свидетельств. Это не оправдание. Это ответ.

Роуэн осмотрел пробный оттиск, который Слоун сохранил по привычке. Сегодняшний след переносного штемпеля на чистой бумаге оказался слабее: вторая риска почти исчезла. На конвертах, проштемпелёванных во время дождя, она была заметна. В анонимном письме Роуэну — тоже. На одном из писем Фенвикам её не оказалось.

— Значит, не все отправили одним способом, — сказал Томас.

— И, возможно, не одним человеком, — ответил Роуэн. — Но не торопитесь. Два штемпеля могли стоять на одном столе.

Он сам чувствовал соблазн превратить царапину в ответ. Для этого было рано. Человек мог знать о дефекте и нарочно выбрать штемпель. Улика показывала действие, не объясняя намерение.

Глава 23

Нижняя площадка

Уолтера нашли у лестницы пристройки в полдень. Падение произошло раньше: в коридоре было прохладно, а окна открыли для просушки стен. Доктор не описывал при посторонних повреждения. Он сказал Томасу отдельно, что положение тела и след на перилах не согласуются с простым спотыканием. Уолтер мог быть толкнут. Мог и потянуться за кем-то, теряя равновесие. Для окончательного вывода требовалась дальнейшая проверка.

Нелл села на ступень и закрыла лицо руками. Уолтер иногда говорил с ней резко, но всегда возвращался, если понимал, что был несправедлив. Теперь она вспомнила только последнее раздражённое замечание о мокрой подушке.

— Я просила его рассказать вам про штемпель, — сказала она. — Он ответил, что сначала объяснит кое-что человеку, который его брал.

— Когда? — спросил Томас.

— Сегодня утром. Он позвонил мне домой рано, ещё до службы. Назвал встречу в архиве.

— Имя не назвал?

— Сказал «она». Я подумала о мисс Бек. Но он мог говорить о журналистке. Или о Вайолет Фенвик, которая вчера приходила в отделение.

Томас не отверг ни одну возможность. Уолтер имел причину говорить с каждым: Бек держала кассу, Айрис задавала вопросы, Вайолет получала загадочные письма. Слоун тоже видел его вечером и мог просить не раскрывать торговлю марками. Судя по следам сырости, Уолтер вошёл через боковой двор. Дверь там открывали ключом сотрудники и адвокат Бэрроу, которому Пелэм когда-то дал дубликат для работы со старыми наследственными бумагами.

— Я вернул ключ пять лет назад, — сказал Бэрроу по телефону. — Спросите Пелэма.

Пелэм ключа не помнил. Это была одна из тех мелочей, в которых маленькое учреждение становится хуже большого: все знают друг друга настолько давно, что перестают записывать уступки.

Уолтер держал в кармане сложенный лист с нарисованным кольцом штемпеля. Рядом стояли слова: «Две линии после дождя». На обороте — ряд номеров, один из которых совпадал с переводом без подписи. Лист был сухой, хотя карман плаща намок. Значит, его вложили недавно или он находился во внутреннем кармане. Томас проверил шов и нашёл маленькое отверстие: бумага лежала там с утра. Не все улики требовали хитрости; некоторые просто дождались, пока их найдут.

Глава 24

Чужая рука в своей книге

На следующее утро газета Айрис вышла с заголовком «Два мертвеца и письма к третьей». Роуэн счёл его неточным: Уолтер и Лэнг не были связаны со старыми адресатами так прямо, как уверяла заметка. Айрис пришла защищать текст, но остановилась у двери комнаты, увидев Нелл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.